

Научная статья

УДК 338.45:622.3

doi: 10.34822/2312-377X-2022-4-100-107

УРОКИ СОЗДАНИЯ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ

Виктор Петрович Карпов^{1✉}, Марина Валерьевна Комгорт²

^{1,2} Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

¹ 7654321.58@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-3527-9692>

² komgort@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6336-8759>

Аннотация. Предпринята попытка взглянуть на историю создания нефтяной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО) в широкой перспективе – от истоков проекта до его реализации. Анализируется технология принятия решений по развитию экономики округа, рассмотрено изменение ее структуры в результате индустриализации. Особое внимание уделено ошибкам в решении социальных вопросов, причинам торможения научно-технического прогресса. Объясняется, как в условиях системного кризиса 1970-х–1980-х, при дефиците времени и ресурсов государство и регион подменили долговременную перспективу развития северного округа текущими интересами. Показано взаимовлияние общегосударственных и региональных политических и экономических интересов и процессов.

Ключевые слова: СССР, Югра, нефть, политика, экономика, научно-технический прогресс

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Карпов В. П., Комгорт М. В. Уроки создания нефтяной промышленности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 4. С. 100–107. DOI 10.34822/2312-377X-2022-4-100-107.

Original article

LESSONS OF OIL INDUSTRY DEVELOPMENT IN THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA

Viktor P. Karpov^{1✉}, Marina V. Komgort²

^{1,2} Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

¹ 7654321.58@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-3527-9692>

² komgort@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6336-8759>

Abstract. An attempt was made to look at the history of oil industry development in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra (KhMAO) from the very start of the project to its implementation. A decision making technology for the development of the Okrug economy is analyzed, its structure change as a result of industrialization is considered. Particular attention is paid to wrong solutions in settling social issues and to the reasons of technological advances retardation. It is explained how the state and the region authorities substituted a long-term perspective of the northern Okrug development with current interests during the crisis of 1970s–1980s under the lack of time and resources. Mutual interaction of national and regional political and economic interests and processes is demonstrated.

Keywords: USSR, Ugra, oil, politics, economy, technological advances

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Karpov V. P., Komgort M. V. Lessons of Oil Industry Development in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra // Severny region: nauka, obrazovanie, cultura. 2022. No. 4. P. 100–107. DOI 10.34822/2312-377X-2022-4-100-107.

ВВЕДЕНИЕ

К числу не понятых до конца, а потому до сих пор актуальных относятся, на наш взгляд, вопросы разработки и реализации стратегии формирования крупнейшего нефтедобывающего района СССР в ХМАО-Югре. Политика его создания была продуманной кампанией или «кавалерийской атакой»? Давая ответ на этот вопрос, исследователи существенно расходятся в оценках [1, с. 232; 2, с. 36–37; 3, с. 200]. Другой вопрос: что помешало рационально воплотить грандиозные планы, почему сиюминутные интересы заслонили перспективу развития отрасли и региона?

Большинство западных историков, рассматривая советские принципы освоения Севера, связывают все трудности с советской системой, которая, по их мнению, была не способна рационально распорядиться открытыми природными богатствами, была затратной и неэффективной [4, 5]. Однако такой вывод, на наш взгляд, недостаточно аргументирован. Возможно потому, что долгое время многие архивные источники зарубежным исследователям были недоступны. Специальных исследований по Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу (ЗСНГК) и, тем более по нефтяной Югре, в зарубежной историографии нет.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом нашего изучения является политика государства и его институтов по созданию нефтедобывающего района в ХМАО в 1960-е – 1980-е гг., предметом исследования – разработка и реализация этой политики. Цель – рассмотреть историю Югорского нефтяного проекта в широкой перспективе – от его истоков до реализации, чтобы понять, что помешало взять богатства Югры с помощью науки, новых технологий и техники. Кто виноват в том, что теория и практика создания нефтегазового комплекса (НГК) разошлись: плановые органы, министерства, политическая и хозяйственная элита страны, нефтяники? Методологической основой исследования стала теория модернизации в интерпретации ученых Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (В. В. Алексеева, К. И. Зубкова,

И. В. Побережникова и др.). Опираясь на нее, можно увидеть особенности модернизационных процессов на Югорском севере, которые проявились: 1) во фрагментарной модернизации, в сужении ее задач до одной, по мнению государства, главной – индустриализации округа с целью обеспечения государства нефтью; 2) в наличии определенных противоречий между властными структурами, принадлежавшими к различным ведомствам, в определенном расхождении государственных, ведомственных и территориальных интересов; 3) в приживаемости инноваций лишь при условии их адаптации к условиям Севера.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Начнем с вопроса о стратегии создания нефтедобывающей промышленности в ХМАО (до 1977 г. округ именовался национальным). Конечно, разрывать историю создания нефтяной и газовой отраслей промышленности на Тюменском Севере не совсем правильно. Но эти отрасли имеют свою специфику, а ХМАО известен, в первую очередь, нефтяными месторождениями. С природным газом повезло меньше: с начала 1970-х гг. центр газодобычи переместился в Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО).

Изначально в разработке планов создания нового нефтяного района страны первостепенную роль играли прогнозы о запасах месторождений. От этих цифр отталкивались плановики, рассчитывая все показатели в развитии социальной и производственной инфраструктуры районов нового промышленного освоения (РНПО). Трудности заключались в том, что, во-первых, плановым органам и проектным организациям приходилось подолгу ждать, когда Государственный комитет по запасам (ГКЗ) утвердит запасы нефти в том или ином районе. А он не мог их утвердить без получения достаточно полной информации от геологов. Во-вторых, прогнозы геологов и нефтяников о запасах месторождений нередко расходились, так как геологи обычно завышали запасы открытых месторождений, а нефтяники выступали против слишком оптимистичных прогнозов, потому что опасались невыполнимых планов

добычи, которые составят разработчикам месторождений плановики на основании геологических оценок. Центральные органы, в свою очередь, недоверчиво относились к тем перспективам, которые рисовали тюменские руководители, настороженно встречали их предложения в Государственном плановом комитете (Госплане).

В результате процесс оценки запасов затягивался на долгие годы и невозможно было заблаговременно подготовить всю необходимую инфраструктуру, которая соответствовала бы плану разработки месторождений. Так было в Шаиме, Усть-Балыке, Мегione, Самотлоре, Мамонтово, Салыме – практически везде на югорском севере.

Кроме того, в 1960-е г. существовали и обсуждались на самом высоком уровне, наряду с тюменским, другие сценарии развития нефтяной промышленности. Выбор – на каком из них остановиться – не был очевиден даже после того, как появилось решение о создании территориально-производственного комплекса (ТПК) на базе открытых месторождений Тюменского Севера. Об этом свидетельствуют и воспоминания экс-министра нефтяной промышленности СССР Л. Д. Чурилова: «...в 1964 г., когда мы приступили к обустройству первых месторождений, правительство еще не определило значения Западной Сибири ни в нефтяной отрасли, ни в народном хозяйстве страны в целом» [6, с. 67].

Центром принятия окончательных решений по Западно-Сибирскому нефтегазовому проекту было Политбюро ЦК КПСС. Вопросы ЗСНГК, в числе других, курировал секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, который вспоминал позднее: «В условиях централизованного планирования синхронизировать и скоординировать процессы в экономике Западно-Сибирского нефтегазового комплекса могла только авторитетная и объединяющая сила. В ту пору это была КПСС, ее ЦК, партийные организации на местах» [7, с. 19].

На месте за ЗСНГК отвечали, прежде всего, Тюменский и Томский областные комитеты (обкомы) КПСС. Ханты-Мансийский окружной комитет Коммунистической партии (в 1964 г. его возглавлял С. Ф. Соловьев) при принятии принципиальных решений по раз-

витию новых в регионе отраслей промышленности следовал в фарватере политики Тюменского обкома партии. По мнению Л. Д. Чурилова, «хотя Ханты-Мансийский округ занимал половину территории Тюменской области, на которой были расположены основные нефтяные месторождения, его столица Ханты-Мансийск была всегда как бы в стороне, может быть, потому, что располагалась вдалеке от нефтяных месторождений» [6, с. 116]. Заметим, что для этого были и другие причины. Во-первых, Ханты-Мансийский окружком был ниже Тюменского обкома КПСС по статусу, во-вторых, среди окружных партийных работников в 1960-е гг. практически не было специалистов нефтяной промышленности. Но со временем и на окружном уровне появились яркие партийные и советские лидеры – А. Г. Григорьева и В. В. Бахилов (Сургут), С. Д. Великопольский (Нижневартовск), В. В. Китаев и В. А. Чурилов (Ханты-Мансийск).

В 1964–1967 гг. главные события нефтяной промышленности Югры разворачивались в Сургуте и нефтяникам очень повезло, что местный районный комитет КПСС возглавил В. В. Бахилов. Он знал первых руководителей предприятий района лично, считал своей обязанностью быть в курсе всех проблем новой отрасли промышленности, оставался бессменным партийным руководителем в Среднем Приобье с 1964 до начала 1980-х гг. За заслуги в развитии нефтяной промышленности ХМАО Василий Васильевич Бахилов был удостоен звания Героя Социалистического Труда, что было редкостью в награждении партийных работников районного масштаба.

В. И. Долгих раскрывает технологию подготовки и принятия распорядительных документов Центра по Тюмени, а значит, и по Югре. «Вопросы ставила сама жизнь. Проблему выдвигал обком КПСС, затем она глубоко изучалась – с привлечением министерств, местных органов власти, отделов Госплана, науки. Затем формировалась соответствующая записка по существу проблемы, которая докладывалась Совету Министров, и далее, если предстояло принять постановление ЦК и Совмина, принималось

принципиальное решение Политбюро. Затем шло поручение Госплану для проработки вместе с министерствами, ведомствами, местными советскими, хозяйственными, партийными органами. После того, как «вопрос» был «подготовлен», Совет Министров СССР передавал его в ЦК на согласование и утверждение...» [7, с. 20].

В вопросе о том, как формировалась политика создания нового нефтяного района, следует обратить внимание на то, кто задавал темп нефтедобычи. Со второй половины 1970-х гг. ускорения требовала Москва. Но на старте проекта неоднократное увеличение плановых цифр нефтедобычи инициировала сама Тюмень, ее руководители, стремившиеся поднять статус Тюменской области. В результате в 1970 г. в округе было добыто нефти почти в шесть раз больше, чем планировалось в 1962 г. [8, с. 116–121]. Если говорить о точности прогнозирования в развитии нового нефтяного района, то такой разрыв в плановых и фактических показателях говорит не в пользу плановиков. Он не мог не сказаться на перспективе и комплексности индустриального освоения северного округа.

К концу восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) в ХМАО разрабатывалось шесть нефтяных месторождений: Самотлорское, Усть-Балыкское, Шаимское, Правдинское, Мегионское и Ватинское. На каждом из них работало соответствующее нефтепромысловое управление (НПУ). В 1970 г. с промыслов округа было получено 28,5 млн тонн или 90,7 % всей западно-сибирской нефти [9, с. 297]. Ко второй половине 1970-х гг. в ХМАО, как и в Западной Сибири в целом, в основном завершилось формирование мощного нефтегазового комплекса. На 17 нефтяных месторождениях действовали 3 825 скважин. В 1975 г. добыча нефти (включая газовый конденсат) в округе достигла 143,2 млн тонн, ее удельный вес в общесоюзной и западно-сибирской нефтедобыче составил соответственно 29,2 и 96,7 % [10, с. 399].

О величине и структуре предприятий НГК ХМАО, численности персонала, стоимости основных производственных фондов (ОПФ) и объемах валовой продукции можно судить

по следующим цифрам. В 1977 г. в самое крупное из производственных объединений (ПО) – «Нижневартовскнефтегаз» входили нефтегазодобывающие управления (НГДУ) «Мегионнефть», «Белозернефть», «Варьеганнефть» и «Нижневартовскнефть», в которых трудились 4 226 человек. Стоимость ОПФ объединения составила почти 1,2 млрд руб. Более 2,2 тыс. работников насчитывали предприятия ПО «Юганскнефтегаз» с ОПФ более 767 млн руб. Почти 1,5 тыс. человек трудились в ПО «Сургутнефтегаз» (ОПФ – более 440 млн руб.). Общая численность промышленно-производственного персонала (ППП) в объединениях нефтяной и газовой промышленности ХМАО в 1977 г. составила свыше 10 тыс. человек, стоимость ОПФ – более 2,8 млрд руб., валовая продукция – около 2,4 млрд руб. [11, л. 3–4]. Эти показатели свидетельствуют о концентрации больших человеческих и материальных ресурсов на месторождениях Югры.

В 1965–1991 гг. число предприятий (в 1965 г. – НПУ, в 1991 г. – ПО) в нефтяной промышленности округа выросло с 3 до 14, численность ППП – с 862 до 46 476 человек. Товарная продукция увеличилась с 3 млн до 17,1 млрд руб. [12, л. 41; 13, л. 4; 14, л. 1]. К 1990 г. с нефтяной промышленностью ХМАО были связаны сотни предприятий, более двух десятков производственных главков. Как комплектовались трудовые коллективы этих подразделений?

Сложность кадровой проблемы заключалась, во-первых, в отсутствии на Тюменском севере специалистов-нефтяников, во-вторых, в ущербности социальной инфраструктуры в РНПО. Эти проблемы усугублялись массовым образованием новых производственных коллективов и быстрым ростом их численности. Чтобы привлечь необходимое число работников, правительство обязало руководителей организаций и предприятий СССР не препятствовать тем добровольцам, которые захотят отправиться в новый нефтяной район. «Тюмень получила уникальную возможность заполучить уже подготовленные и квалифицированные кадры нефтяников, строителей, энергетиков, авиаторов и других специа-

листов, так как свои, местные кадры появились в регионе только в начале 70-х гг.», – отмечал Л. Д. Чурилов [6, с. 117].

Удельный вес форм привлечения кадров различался как по предприятиям производственных главков, так и по периодам создания нового НГК. Тем не менее, можно назвать основные, к которым следует отнести: 1) перевод из других предприятий министерства, сыгравший большую роль в пионерный период; 2) вольный наем (прием работников предприятиями на месте); 3) общественный призыв, включая молодежь, направленную по комсомольским путевкам; 4) организованный набор (как правило, в труднодоступных районах страны); 5) привлечение спецконтингента (условно-осужденные и досрочно освобожденные из исправительно-трудовых лагерей и колоний).

Добровольцев, желающих осваивать открытые в ХМАО нефтяные месторождения было столько, что рабочих ведущих профессий (бурильщики, вышкомонтажники, операторы, дизелисты) предприятия набирали, как правило, из числа прибывших по общественному призыву. По оргнабору и переводу прибывали, в основном, квалифицированные рабочие и специалисты. В 1965–1979 гг. численность нефтяников округа выросла с 2,9 до 23,6 тыс. человек, геологов – с 3,8 (1970 г.) – до 15,7 тыс. человек, строителей – с 14,5 до 111,5 тыс. человек, работников транспорта – с 4,7 до 60,4 тыс. человек [15, с. 8]. Быстрое увеличение тружеников строительства и транспорта было напрямую связано с ростом нефтедобычи в округе.

Задача обеспечения предприятий НГК кадрами была решена, но проблема нестабильности трудовых коллективов в нефтяной Югре оставалась актуальной и на пионерном этапе, и позже. Если в 1966–1980 гг. текучесть рабочих среди нефтяников снизилась с 75 до 24 %, то уже в 1981 г. она вновь превышала 30 % [16, л. 6]. То же – с инженерно-техническими работниками НГК, укомплектованность которыми в 1980 г. составила 89 %. При этом высокой была сменяемость ИТР [2, с. 123–124]. Главной причиной текучки кадров была нерешенность вопросов

жилища и быта, быстрое увеличение объемов нефтедобычи в условиях уже имевшегося отставания социальных «тылов». Не останавливал отток кадров и «рублевый фактор», действовавший довольно эффективно в 1960-е гг.

Отдельно следует сказать о проблемах научно-технического прогресса (НТП). На старте проекта большие надежды на НТП возлагались потому, что задачи, которые решал СССР в Югре, не имели аналогов не только в советской, но и в мировой практике. Человек, конечно, и раньше приходил в безлюдные районы с суровым климатом, но не с целью создания нового крупного индустриального центра без предварительно подготовленных условий. Как выяснилось позже, у пионеров освоения одного из крупнейших в СССР месторождений, в буквальном смысле этого слова, уходила почва из-под ног, так как нефть приходилось извлекать из недр территории, которая на 90 % была покрыта болотами, тайгой и тундрой. Для того, чтобы что-то построить на новом месте, сначала нужно было переместить миллионы м³ грунта. «По 200 млн кубометров песка намывали в год...», – свидетельствует один из руководителей Главтюменнефтегаза М. М. Крол [17, с. 30–31]. Строили ледовые дороги для буровиков и основания под буровые вышки, создавали искусственные острова, когда болота промерзали. С одной такой площадки нефтяники бурили по 16, а позже и до 24 скважин.

Ускоренное освоение месторождений требовало крупной энергетической базы, которой в 1960-е гг. в безлюдном краю, естественно, не было. Использовали энергопоезда. «На свой страх и риск в Запорожье изготовили передвижные газотурбинные электростанции (в качестве генераторов использовали самолетные газовые турбины – *авт.*). Изготовили десятки таких электростанций» [17, с. 32].

Благодаря новаторам были решены многие задачи как на уровне предприятий, так и региона, отрасли в целом. Рационализаторы аппарата Главтюменнефтегаза (Е. И. Голдырев, В. И. Тимонин, Ю. Б. Фаин, всего – 12 человек) предложили использовать для поддержания пластового давления в месторождении термальные воды. Внедрение этого

предложения позволило отказаться от применения речной воды, требующей громоздкой очистной системы [18, с. 191]. Для работы в зонах, затапливаемых весенними водами, было внедрено предложение начальника Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко по монтажу буровой установки на железнодорожной платформе. Она перемещалась по рельсовому пути [18, с. 191]. Благодаря этим и другим смелым научно-техническим решениям Югра очень скоро, уже к середине 1970-х гг., превратилась в ведущий нефтедобывающий район страны.

Казалось, что главные трудности освоения югорских месторождений позади, но в 10-й и 11-й пятилетках (1976–1985 гг.) закончилась в основном фонтанная добыча нефти, пришлось вводить в эксплуатацию десятки новых, менее крупных, чем прежде, месторождений. А темпы НТП стали снижаться. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры. Если в 9-й пятилетке (1971–1975 гг.) в Тюменской области начался серийный выпуск 148 видов новой промышленной продукции, то в 10-й (1976–1980 гг.) – 109, а в 11-й (1981–1985 гг.) – только 26 [19, л. 28].

Заметнее всего торможение НТП проявилось в автоматизации нефтепромыслов. На предприятиях Нижневартовска и Сургута – ведущих центров производства нефти – уровень автоматизации в 1980-е гг. оказался ниже, чем в старых нефтяных районах СССР – Татарии и Башкирии, Баку и Грозном. Автоматические замерные групповые установки «Спутник» морально устарели (выпускались министерством в 1967–70 гг. – авт.), под автоматическим контролем на месторождениях работали менее половины скважин [20, л. 20; 21, л. 52]. Если на пионерном этапе одним из важнейших слагаемых успеха стал НТП, то в 1980-е гг., когда на лучших месторождениях началось снижение добычи нефти, именно недостаточное внимание к НТП стало главной причиной кризисных явлений в отрасли. Нужно было выходить на новые месторождения, а уникальных, таких, как Самотлор или Федоровское, уже не было.

Тюменский обком КПСС объяснял кризис неготовностью нефтяников к переходу от фонтанной к механизированной добыче нефти.

Но за этим банальным объяснением кроются важные подробности и суть именно в них. Одним из лучших механизированных способов нефтедобычи с начала 1970-х гг. в СССР и в США считался газлифтный метод, т. е. выталкивание газом нефти из пласта. В ХМАО первый газлифтный комплекс был построен на Правдинском месторождении в 1971 г. Он доказал свое превосходство над другими приемами. Но метод так и не был внедрен на промыслах, нефтяников не обеспечили необходимым оборудованием. Почему?

Поскольку основным показателем работы предприятий были объемы добычи, долгое время в передовиках ходил «Нижневартовскнефтегаз», а в отстающих – «Юганскнефтегаз». Но когда прошла пора фонтанов, оказалось, что нефтеюганцы лучше, чем нижневартовцы подготовлены к новым условиям работы. Неизбалованные фонтанами, они больше внимания уделяли НТП. А аплодисменты принимал «Нижневартовскнефтегаз», рапортовавший о трудовых победах, благодаря щедрости недр Самотлора. Быстрый взлет нефтедобычи не только в регионе, но и в СССР обеспечил этот гигант, открытый в 1965 г. и запущенный в эксплуатацию в 1969 г. Уникальная кладовая нефти открывала огромные возможности в наращивании советского экономического и геополитического потенциала. Однако история Самотлора лучше других месторождений СССР показала ущербность негласного принципа разработки месторождений: «минимум подготовленных условий – максимум добычи».

Когда началось падение нефтедобычи, следовало внести коррективы в стратегию освоения региона в целом и разработку месторождений в частности. Но высшее руководство страны продолжало настаивать на увеличении темпов добычи нефти, не обращая внимания на нарастающий вал проблем в отрасли и регионе. Многочисленные мероприятия по выводу нефтяной Югры из кризиса, разработанные в министерствах, главах и их объединениях, были традиционными: ввод в разработку новых месторождений, привлечение в регион все больших по количеству ресурсов. Сохранялись и прежние принципы разработки месторождений.

С началом перестройки М. С. Горбачева (1985–1991 гг.) были приняты беспрецедентные меры помощи нефтяникам. Мобилизация усилий практически всей страны позволила ХМАО в 1987 г. выйти на пик нефтедобычи. Но когда в 1988–1991 гг. поток ресурсов в регион сократился, падение нефтедобычи стало неотвратимым. В 1989 г. производство нефти снизилось на 17 млн тонн (добыли 332,1 млн тонн), а в 1990-м г. – уже на 30,7 млн тонн (301,4 млн тонн) [22, л. 6]. Падение стало обвальным, но до 1988 г. добыча продолжала расти, несмотря на то, что предприятия не справлялись с плановыми заданиями. Впрочем, годовые планы уже не соответствовали пятилетним, а реальность опровергала и те, и другие.

О динамике нефтедобычи в ХМАО и об изменении удельного веса югорской нефти в западно-сибирской и общесоюзной можно судить по следующим показателям. В 1965 г. Югра произвела 0,37 % нефти СССР и 100 % – в Западной Сибири. В 1975 – соответственно 29,2 и 96,7 %, в 1990 – 54,6 и 81,9 % [10, с. 399]. Бурное развитие нефтедобычи обусловило настоящий индустриальный «взрыв» в округе. Валовый объем промышленности вырос за четверть века почти в 40 раз. Удельный вес нефтяной отрасли в промышленности ХМАО увеличился с 4,3 % в 1965 г. до 83 % в 1979 г. [15, с. 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выход нефтяников в Среднее Приобье стал «кавалерийской атакой», а не хорошо продуманной кампанией. Это подтверждает-

ся фактами и, прежде всего, отсутствием подготовленных условий для начала освоения открытых месторождений. Мы говорим в данном случае не о теории, не о документах, определявших стратегию и тактику формирования нового НГК, а о практике его создания. В результате стремительный старт проекта в 1960-е гг. обернулся в 1980-е гг. тяжелым кризисом. Освоение региона показало, что негласный девиз «минимум затрат – максимум добычи» ведет к потерям, кратно превышающим выигрыш во времени и ресурсах на пионерном этапе реализации проекта.

Благодаря стремительному развитию нефтегазового комплекса ХМАО, кардинально изменился экономический профиль округа. При этом взаимозависимость общегосударственных и региональных процессов очевидна: в 1960-е – начале 1970-х гг. большая югорская нефть придала мощный импульс развитию советской экономики, а затем, во второй половине 1970-х – 1980-е гг., напротив, невольно стала виновницей кризиса, «усыпив» бдительность советских руководителей и отодвинув почти на десятилетие назревшие реформы.

Причиной кризиса в НГК ХМАО были не столько нефтяники, не сумевшие своевременно подготовиться к переходу от фонтанной к механизированной добыче, сколько нерационально действовавшая система закрытого типа «СССР-ЗСНГК»: в нефтяной Югре, как в зеркале, отразились проблемы советской экономики 1960-х–1980-х гг., ее сильные и слабые стороны.

Список источников

1. Зубков К. И., Карпов В. П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М. : Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.
2. Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. 241 с.
3. Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М. : Нефть и газ. РГУ нефти и газа, 2007. 384 с.

References

1. Zubkov K. I., Karpov V. P. Razvitie rossiiskoi Ark-tiki: sovetskii opyt v kontekste sovremennykh strategii (na materialakh Krainego Severa Urala i Zapadnoi Sibiri). Moscow : Political Encyclopedia, 2019. 367 p. (In Russian).
2. Pashkov N. M. Deiatelnost partiinykh organizatsii Zapadnoi Sibiri po sozdaniuu i razvitiuu neftegazovogo kompleksa, 1964–1980 gg. Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 1988. 241 p. (In Russian).
3. Slavkina M. V. Velikie победы i upushchennye vozmozhnosti: vliianie neftegazovogo kompleksa na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie SSSR v 1945–1991 gg. Moscow : Publishing House “Neft i gaz” of Gubkin University, 2007. 384 p. (In Russian).

4. Conolly V. *Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources: problems and achievements*. London, Glasgow : Collins, 1975. 248 p.
5. Josephson P. *The Conquest of the Russian Arctic*. N. Y. : Harvard University Press, 2014. 441 p.
6. Чурилов Л. Д. *Моя история советской нефти (записки последнего министра)*. М. : Изд-во «Нефтяное хозяйство», 2016. 326 с.
7. Долгих В. И. *Область особой заботы // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. / гл. ред. Ю. П. Баталин. М. : Нефтяное хозяйство, 2004. Кн. 1. С. 18–22.*
8. Комгорт М. В., Майданов В. С. *Лидер нефтегазовой революции*. Тюмень : Сибирский издательский дом, 2013. 520 с.
9. Карпов В. П. *История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса*. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. нефтегазового ун-та, 2005. 316 с.
10. Карпов В. П. *По временной схеме: освоение советского Севера: по материалам Ханты-Мансийского автономного округа. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Москва; Ханты-Мансийск : Академическая история Югры, 2020. С. 392–401.*
11. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 1. Д. 7531.
12. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5647.
13. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 6708.
14. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 9457.
15. *Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет (в цифрах)*. Ханты-Мансийск, 1980. 27 с.
16. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 229. Д. 78.
17. Крол М. М. *Тюменское сражение // Ветеранская слава. Из истории развития нефтяной индустрии Самарской области: Сб. воспоминаний. Вып. 10. Самара : Нефтяное хозяйство, 2012. С. 28–32.*
18. *Из истории развития изобретательского движения в Тюменской области. 2-я половина XX века: Документы и материалы / авт.-сост. С. Ф. Скифский, Л. С. Иванова. Тюмень : Вектор Бук, 2004. 520 с.*
19. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1299.
20. ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2615.
21. ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2909.
22. ГАСПИТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 1340.
4. Conolly V. *Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources: problems and achievements*. London, Glasgow : Collins, 1975. 248 p.
5. Josephson P. *The Conquest of the Russian Arctic*. New York : Harvard University Press, 2014. 441 p.
6. Churilov L. D. *Moia istoriia sovetskoi nefiti (zapiski poslednego ministra)*. Moscow : Publishing House “Nefitianoe khoziaistvo”, 2016. 326 p. (In Russian).
7. Dolgikh V. I. *Oblast osoboï zaboty. Neftegazostroiteli Zapadnoi Sibiri. In 2 books. Book 1. / Under the editorship of Yu. P. Batalin. Moscow : Publishing House “Nefitianoe khoziaistvo”, 2004. P. 18–22. (In Russian).*
8. Komgort M. V., Maidanov V. S. *Lider neftegazovoi revoliutsii. Tyumen : Sibirskii izdatelskii dom, 2013. 520 p. (In Russian).*
9. Karpov V. P. *Istoriia sozdaniia i razvitiia Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa. Tyumen : Publishing House of Tyumen Oil and Gas State University, 2005. 316 p. (In Russian).*
10. Karpov V. P. *Po vremennoi skheme: osvoenie sovetskogo Severa (po materialam Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga) // Ocherki istorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry. Moscow; Khanty-Mansiysk : Akademicheskaiia istoriia Yugry, 2020. P. 392–401. (In Russian).*
11. Gosudarstvennyi Arkhiv Tyumenskoi Oblasti (GATO). F. 1112. Op. 1. D. 7531. (In Russian).
12. GATO. F. 1112. Op. 1. D. 5647. (In Russian).
13. GATO. F. 1112. Op. 1. D. 6708. (In Russian).
14. GATO. F. 1112. Op. 1. D. 9457. (In Russian).
15. *Ekonomika i kultura Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga za 50 let (v tsifrakh). Khanty-Mansiysk, 1980. 27 p. (In Russian).*
16. Gosudarstvennyi Arkhiv Sotsialno-Politicheskoi Istorii Tiimenskoi Oblasti (GASPITO). F. 124. Op. 229. D. 78.
17. Krol M. M. *Tyumenskoe srazhenie // Veteranskaia slava. Iz istorii razvitiia nefitianoi industrii Samarskoi oblasti: Collection of Memoirs. Iss. 10. Samara : Publishing House “Nefitianoe khoziaistvo”, 2012. P. 28–32. (In Russian).*
18. *Iz istorii razvitiia izobretatel'skogo dvizheniia v Tiimenskoi oblasti. 2-ia polovina XX veka: Documents and Materials / compiled by S. F. Skifskii, L. S. Ivanova. Tyumen: Publishing House “Vektor Buk”, 2004. 520 p. (In Russian).*
19. GATO. F. 1112. Op. 2. D. 1299. (In Russian).
20. GATO. F. 2146. Op. 1. D. 2615. (In Russian).
21. GATO. F. 2146. Op. 1. D. 2909. (In Russian).
22. GASPITO. F. 1726. Op. 1. D. 1340. (In Russian).

Информация об авторах

В. П. Карпов – доктор исторических наук, доцент, профессор.

М. В. Комгорт – доктор исторических наук, доцент, профессор.

Information about the authors

Victor P. Karpov – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor.

Marina V. Komgort – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor.